

КАТЯ
КЕКС

ГОРЕЦ

ЗАБЕРУ И ПРИСВОЮ

18+

Катя Кекс

Горец. Заберу и присвою

«Автор»

2026

Кекс К.

Горец. Заберу и присвою / К. Кекс — «Автор», 2026

У Арины есть сокровенная мечта — эко-отель у подножия Эльбруса. Она на шаг от цели, но ей нужно расположение хозяев тех земель. Аслан Мурзаев и есть хозяин. Царь гор. Увидев Арину, он не оценил её профессионализм. Он вычислил её мечту и сделал своим оружием. Под угрозой полного уничтожения Арина соглашается на сделку: стать его женой по обряду никах. Её уверяют — это лишь спектакль, но в его мире суровых законов и абсолютной власти она понимает ошибку. Для Аслана нет «спектаклей». То, что он взял, — его навсегда.

Содержание

глава 1	5
глава 2	9
глава 3	12
глава 4	14
глава 5	16
глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Катя Кекс

Горец. Заберу и присвою

глава 1

Воздух в переговорной «Мурзаев Групп» наэлектризован до предела. У меня такое ощущение, что волосы у корней приподнимаются, но виду я не подаю. Вывожу на экран последний слайд презентации. Тишина, которая наступает, буквально пульсирует, бьёт по барабанным перепонкам, как давление перед грозой.

— Блестяще, Арина Сергеевна. Ваш комплексный подход достоин высших похвал.

Голос Бориса Петровича, гендиректора фирмы, в которой я работаю, звучит из темноты по левую руку от меня. Я чувствую этот голос кожей: скользкий, тёплый, неприятный. Киваю. Привычно улыбаюсь, а челюсть сводит судорогой от этой улыбки.

Нужно подвести итог, сказать что-то закрывающее и собрать папки с бумагами, но пальцы не слушаются. Руки холодные, ладони вспотели от перенапряжения. Я делаю вид, что поправляю блузку у горла. Шёлк под пальцами кажется тонким, как паутина, и совершенно прозрачным.

Он молчит.

Аслан Мурзаев.

Он не просто сидит во главе стола. Он занимает всё пространство в моей голове. Последние пятьдесят три минуты его внимание было прямой физической силой. Оно вдавливало меня в кресло, заставляло каждое слово выверять на правильность, а теперь, когда мой доклад подошёл к концу, его взгляд работает иначе.

Он изучает.

Не графики. Меня.

Его глаза — тёмные, без единой светлой точки — движутся по мне с невыносимой медлительностью. От каблуков. Вверх по ногам. Задерживаются на бёдрах, на талии, будто оценивая обхват. Ползут к груди. И я чувствую, как под плотной тканью бюстгалтера наливаются, предательски твердеют самые чувствительные точки. От ужаса. От гнева. От этого взгляда, который снимает слой за слоем — пиджак, блузку, кожу, плоть — добираясь до самой сути, до каркаса.

— Оставшиеся детали проработаем в установленном порядке, — говорю я, и мой голос звучит хрипло и словно откуда-то издалека, плоский и безжизненный.

Стою, держусь за спинку стула. Вежливая улыбка на прощание, короткое «желаю хорошего вечера», разворачиваюсь и иду к двери. Взгляд Мурзаева прожигает спину насквозь. Я чувствую каждый позвонок. Каждый мускул, напряжённый до дрожи.

Дверь. Коридор. Туалет.

Влетаю в кабинку, прижимаюсь спиной к холодному кафелю и пытаюсь отдышаться. Всё тело бьёт мелкой, бешеной дрожью. Стыд. Жгучий, унижительный стыд. Меня только что... просчитали. Взвесили. И, кажется, нашли пригодной.

Я жду, пока дрожь не сменится ледяной тяжестью. Подхожу к раковине, набираю в руки холодной воды и прижимаю ладони к пылающим щекам. Смотрю в зеркало. Бледное лицо, слишком яркая помада, горящие глаза.

Спокойно, Ариша. Ты сделала всё, что от тебя требовалось, а этот взгляд... Это просто взгляд. Ничего личного. Не могу же я приказать не смотреть на меня, если сама провожу презентацию.

Это привычная для меня работа, я не считаю её чем-то особенным, всё обычно проходит гладко и легко, но сегодня... Аслан Мурзаев своими чёрными глазами так жадно раздевал, что мне стало не по себе. Хорошо, что всё уже кончилось. Осталось дело за малым: подписать документацию и стать доверенным лицом от компании работодателя в компании «Мурзаев Групп». Я справлюсь.

Возвращаюсь к себе в кабинет-аквариум, закрываю дверь. Вечер. Пора домой. Но я не еду. Я открываю ноутбук, пароль, скрытая папка.

«Эльбрус. Нить».

Мой остров. Моя страна. 3D-модель купольного дома встаёт на экране. Панорамное остекление, из которого виден только склон, поросший рододендронами, и белая шапка вершины там, наверху. Тишина. Совершенная, нечеловеческая тишина. Я прокручиваю картинку, касаюсь пальцами экрана. Вот интерьер — дерево, шерсть, камень. Вот планировка территории — тропинки, как нервные окончания, уходящие в лес. Вот смета. Тщательно выверенные до копейки расчёты, мои ночи без сна, моя надежда.

Я нашла архитектора, который понял, что именно я хочу. Нашла эконо-подрядчика. Всё есть. Всё, кроме земли. Участка с тем самым видом. Местные смотрят на меня — московскую девицу — как на назойливую муху. Презентация для «Мурзаев Групп» — мой пропуск. Мой ледокол. Если Мурзаев одобрит представленный мной проект нашей фирмы, я стану не мухой. Я стану... своей. И тогда, возможно, мне продадут и клочок этой земли для моей тихой, личной мечты.

Закрываю ноутбук, прижимаю ладони к горячей крышке. Скоро. Осталось только подписать бумаги.

На следующий день в десять утра меня к себе в кабинет вызывает Борис Петрович. Он не предлагает сесть. Сам стоит у окна, спиной ко мне.

— Арина. Ты вчера совершила прорыв, — голос задумчивый и явно подразумевающий за этой фразой что-то ещё, помимо похвалы.

Я молчу. Жду. В животе сжимается холодный ком нехорошего предчувствия. Если бы моего начальника всё устроило, он бы не стал заходить издалека, сказал сразу, не тянул.

— Настолько серьёзный прорыв, что у нашего ключевого партнёра возникли... дополнительные вопросы. К твоей лояльности.

Он поворачивается. Его лицо — маска делового беспокойства. Но глаза... глаза бегают. Не смотрят прямо.

— Понимаешь, они люди традиционные. Для них высшая гарантия — это не договор, не юридические аспекты. Они опираются на кровные связи. Вернее, брачные.

Он делает паузу, давая мне догадаться. Но я не догадываюсь. Я отказываюсь понимать. Приподнимаю одну бровь и слегка наклоняю голову, чтобы Боря понял, что его посыл не дошёл до адресата.

— Никах, Арина. Церемония брака. В нашем случае это формальность. Просто обряд, ради дальнейшей работы наших компаний вместе.

— Вы шутите... это же шутка? — звук, который вырывается из меня, больше похож на предсмертный хрип, чем на вопрос. — Вы предлагаете мне выйти замуж. За Мурзаева. Как гарантию дальнейшей работы компаний?

Сказать, что я удивлена, — это ничего не сказать. Я сейчас в таком шоке, что по-другому это состояние не охарактеризовать.

— Я предлагаю тебе проявить гибкость ради общего блага, — голос Бориса Петровича впервые повышается, в нём прорывается нервозность. — И спасти то, что для тебя важно!

Он резко подходит к столу, хватая папку, швыряет её передо мной. Листы разлетаются.

Я смотрю на то, что лежит передо мной, и мой тихий мир взрывается оглушительным грохотом.

На первом листе — скриншот из моего мессенджера. Мой чат с архитектором. Мои голосовые: «...важно сохранить ощущение полёта, понимаешь? Чтобы человек в домике чувствовал себя не в комнате, а в гнезде на скале...» Его ответы. Файлы. Все файлы.

На втором листе — распечатанная переписка с подрядчиком по солнечным панелям. Цифры. Мои цифры.

На третьем — моя же 3D-визуализация. Мой купол. Мой вид.

А на четвёртом — юридический документ. Иск. От неизвестной мне компании о нарушении интеллектуальных прав, о недобросовестной конкуренции с использованием служебной информации проекта «Выставочный центр «Мурзаев». Даты, факты, цитаты из моих же личных сообщений. Всё сшито в идеальное, смертоносное одеяло.

— Откуда... — я задыхаюсь, воздуха нет, совсем. — Это... моё... личное...

— Твоё личное, Арина, стало достоянием наших уважаемых партнёров! — кричит он, и в его крике теперь слышен страх. Не за меня. За себя. — Они проверили твой бэкграунд! И нашли это! Твой... «воздушный замок»! Который ты планировала строить, используя наши ресурсы, наши связи!

— Это ложь! — я выкрикиваю, и голос срывается в истерический визг. — Я никогда... это отдельно... я...

— Неважно! — он бьёт кулаком по столу. — Важно, что они так видят! И у них есть рычаг! Видишь этот иск? Он уничтожит тебя. Уничтожит твой проект в зародыше. Ни один банк, ни один инвестор после такого не подойдёт к тебе на километр! И наш общий контракт с «Мурзаев Групп» развалится из-за конфликта интересов! Ты просадишь не только себя. Ты просадишь всю компанию!

Я цепляюсь за край стола. Комната плывёт. В ушах — вой. Это воют все мои мечты. Их вскрыли. Выпотрошили. Размазали по бумаге и превратили в обвинительный акт.

— Чего... чего они хотят? — шепчу я, уже зная ответ.

— Они хотят гарантий, Арина! — он говорит уже тихо, устало. — Мурзаев хочет тебя. В жёны. Для него это... как обеспечение сделки. Ты становишься его. Твои идеи — его. Твой проект — его. И тогда никакого конфликта нет. Есть общее дело семьи. Он даже... — Борис Петрович глотает, — даже участок под этот твой отель подыщет. Лучший. Всё будет. Всё, кроме твоей свободы. Юридически.

Я смотрю на скриншоты. На свои слова о полёте. О гнезде. Я так хотела летать. А они предлагают клетку. Позолоченную, с видом на самые красивые горы в мире. Но клетку.

— А если я откажусь? — мой голос тихий, мёртвый.

— Тогда завтра утром эти документы уйдут во все инстанции. И к вечеру ты станешь изгоем. Без работы. Без репутации. С долгами за несостоявшийся проект и судом. Выбирай.

В его глазах нет сочувствия. Есть арифметика. Убытки. Прибыль. Я переменная в уравнении, которую нужно либо интегрировать, либо обнулить.

Отворачиваюсь от него. От этих бумаг. Смотрю в окно и вижу бледное, почти невидимое отражение своего лица.

Это конец. Они не просто убивают мою мечту — ту, где я могла бы жить в куполе под звёздами. Они делают это моими же руками — типа «сама выбирай, что для тебя важнее».

Время замирает, я чувствую подкатывающий к горлу ком, чувствую слёзы в глазах и горький, металлический привкус во рту.

— Хорошо, — говорю я в стекло, отражение шевелит за мной губами.

— Арина, мы тебя не принуждаем, ты вольна выбирать. Не думай, что мы загоняем тебя в эти рамки. Ты ничего не теряешь, считай, что ты просто поучаствуешь в спектакле, для них

это очень важно. После этого вернёшься к своей обычной жизни. Жить с Мурзаевым тебе не будет нужно. Я уточнял.

Я поворачиваюсь к нему. Внутри нет ничего. Ни злости, ни страха. Пустота. Я не хочу соглашаться, но отказаться тоже не могу. В конце концов, если верить словам гендира, мне надо просто сыграть роль. Я сумею.

— Я согласна. Скажите им, что я согласна.

Он кивает, облегчённо выдыхая.

— Умная девочка. За тобой заедут в семь вечера.

глава 2

В семь на стоянке у офиса нашей компании стоит чёрный, полированный до зеркального блеска Bentley Bentayga. Водитель стоит возле машины и, как только замечает меня, спускающуюся по ступеням, тут же выдвигается мне навстречу. Широкоплечий, здоровенный, как шкаф, он одними глазами указывает мне на машину. Я пытаюсь вежливо поздороваться, объяснить, что хотела ещё зайти домой, переодеться, но по непроницаемому взгляду понимаю — мне этого не светит. Водитель открывает дверь чёрной громадины, и я сажусь. Салон пахнет кожей и незнакомым, но явно дорогим парфюмом.

Из вещей у меня только моя сумочка, в которой лежат простые девичьи мелочи: блеск для губ, влажные салфетки, зеркальце, ключи. Я хотела хотя бы взять с собой паспорт, который лежал дома. Неужели он не нужен для закрепляющих действий? Неужели я не буду подписывать никаких бумаг? Тогда зачем всё это?

Боря говорил, что обряд будет простым спектаклем для этих людей. Просто действием, которое ни к чему не обязывает, — наверное, поэтому у меня и не требуют паспорт.

Машина трогается бесшумно. Я смотрю в окно. Мой город. Огни. Люди. Жизнь. Она уплывает, как картинка за стеклом. Я не чувствую ничего.

Аэропорт Внуково. Но меня ведут не к терминалам. Мы идём к ангарам частной авиации. И там, на освещённой бетонной площадке, стоит он.

Аслан Мурзаев.

Он курит, прислонившись к борту белого самолёта. В свете прожекторов он кажется ещё больше, ещё более грозным. Он смотрит на подъезжающую со мной машину и не двигается, а у меня от его вида внутри всё замирает.

Я не скажу, что он мерзкий. Аслан по-своему красив, ухожен, безупречно одет, но сам факт того, что за меня всё решили без меня, — дико отталкивает. Я не какая-то лошадь, которую можно просто купить, потому что захотел. Я человек. Почему эти «сильные мира сего» позволяют себе ставить более слабого в безвыходное положение? Именно это он со мной сделал. Если бы я не согласилась, то пришлось бы начинать жизнь с абсолютного нуля и без всякой помощи.

Ладно, я побуду актрисой на его спектакле, сыграю то, что от меня требуется, а потом вычеркну это из памяти навсегда.

Bentley останавливается. Водитель выходит, открывает мне дверь. Прохладный воздух бьёт в лицо, пахнет керосином и свободой, которой сейчас у меня нет.

Я выхожу. Делаю несколько шагов по бетону. Останавливаюсь.

Он отталкивается от борта, бросает сигарету, затаптывает её ногой. Подходит. Медленно. Шаги Мурзаева отдаются вибрацией под ногами, как удары сердца.

Он останавливается передо мной. Так близко, что я чувствую исходящее от него тепло и терпкий запах мужского парфюма. Аслан молча смотрит на меня. Его взгляд снова ползёт по лицу, по шее, задерживается на моих сведённых в замок руках.

Потом он поднимает руку. Большая, с широкой ладонью рука. Он не спеша проводит кончиком большого пальца по моей нижней губе, стирая помаду. Жест одновременно интимный и бесконечно циничный. Как будто он проверяет качество краски на товаре.

Я не отстраняюсь. Не дышу. Внутри всё сжалось в ледяной, острый ком. Становится так страшно, что ноги каменеют.

Он смотрит на палец, на красный след, потом снова на меня. Уголок его рта дёргается. Не улыбка. Что-то другое. Удовлетворение.

— Идём, — говорит он. Голос низкий, без интонации. Этот мужчина поворачивается ко мне спиной и идёт к трапу, не оглядываясь, уверенный, что я последую за ним.

Я стою секунду. Смотрю ему вслед. На его широкую спину, на тёмное пальто, на уверенную поступь хозяина.

Потом делаю шаг. Потом ещё. Я поднимаюсь по трапу в чрево самолёта. Навстречу полной неизвестности.

И в последний момент, перед тем как шагнуть внутрь, я оборачиваюсь. На мгновение. Вижу огни Москвы и внутренне обещаю себе, что скоро, очень скоро вернусь.

Дверь за мной с мягким шипением закрывается.

В самолёте — тишина. Не та тихая, что обволакивает. Та, что давит на уши, как на большой глубине. Я сижу у иллюминатора, пристёгнутая ремнём. Он — напротив, в кресле у прохода. И снова смотрит. Неотрывно, прямо в глаза, словно пытаюсь подавить мою волю.

Внутри меня мечутся сотни вопросов. Какую цель он преследует? Зачем всё это? Почему именно я? Как они узнали о моём эко-отеле — он же существовал только на бумаге? Чем он им помешал?

Я нервно сглатываю и открываю рот, чтобы начать задавать вопросы, но мужчина напротив показывает жестом «молчи», прикладывая палец к своим губам и отрицательно покачивая головой. Он расслабленно откидывается на спинку кресла и прикрывает глаза.

Самодовольный напыщенный гавнюк. Делает вид, что меня здесь не существует. Пусть. Зато я хоть немного отдохну от его сканирующего взгляда. А свои вопросы я всё равно задам, он так просто от меня не отвертится.

Отворачиваюсь к иллюминатору. Сжимаю зубы так, что болят скулы. Внутри всё кричит. Кричит та Арина, которая часами выверяла смету, спорила с архитектором о градусе наклона крыши. Та, что верила в честную игру. Та, что хотела жить так, как считала для себя правильным. Но сейчас должна молчать. Играть роль в каком-то спектакле.

Бесит.

Мы приземляемся не в аэропорту. На частной полосе, вырубленной прямо среди гор. Ночь, но площадка залита светом. Когда выхожу, холодный, колючий воздух бьёт в лицо, заставляя вздрогнуть. Мурзаев проходит мимо, его плечо слегка задевает моё.

— Иди за мной, — бросает он через плечо.

Машина, тот же чёрный «Бентли», уже ждёт. Дорога вьётся вверх, в крошечную темноту. Я не вижу пейзажей, только чёрный бархат за окном и отражение моего бледного лица. Мы въезжаем за высокие, неприметные ворота. И передо мной открывается вид.

Резиденция. Не дом. Цитадель. Массивная, из местного тёмного камня и стекла, она вырастает из скалы, как её продолжение. Она не стремится быть красивой. Она стремится быть несокрушимой. Огни горят в нескольких окнах, выхватывая из мрака острые углы и глухие стены.

Меня ведут внутрь. Холл с трёхэтажным потолком, камин в полстены, в котором потрескивают огромные брёвна. Тепло. Но не уютно. Пусто. Эхо шагов гулко разносится под ногами.

Появляется женщина — немолодая, со строгим лицом, в тёмном платье.

— Господин Мурзаев приказал обустроить вас. Пройдёмте.

Она ведёт меня на второй этаж, по длинному, слабо освещённому коридору. Останавливается у тяжёлой дубовой двери. Открывает.

Спальня. Огромная. Снова камин, уже поменьше. Огромная кровать под балдахином из плотной ткани. И — панорамное окно от пола до потолка. За ним — абсолютная тьма гор.

— Ванная там. В шкафу найдёте всё необходимое. Господин просил передать: завтра в семь — завтрак. Он будет вас ждать.

Она кивает и выходит, закрывая за собой дверь. Щелчок замка звучит негромко, но отчётливо.

Я остаюсь одна. Оборачиваюсь на комнату. Моя золотая клетка. С шикарным видом. Я подхожу к окну, прижимаю лоб к холодному стеклу. Где-то там, в этой чёрной бездне, будет стоять моя мечта, мой парк-отель с купольными домами и идеальными условиями для отдыха.

Я вынесу всё, что они запланировали, но также я не упущу своего. Моя цель — участок в горах, и я обязательно её добьюсь.

Сзади раздаётся тихий скрип двери. Я оборачиваюсь.

Аслан стоит на пороге. Снял пиджак, расстегнул ворот рубашки. В свете огня из камина он кажется ещё больше, ещё более неумолимым. Он не спрашивает, не стучится. Он вошёл, потому что это его дом.

— Нравится? — его голос низкий, заполняет тишину комнаты.

Я молчу. Сжимаю руки в кулаки за спиной.

— Вид отсюда шикарный. Оценишь утром, когда увидишь.

Он делает несколько шагов внутрь, останавливается в паре метров от меня. Его взгляд снова ползёт по мне, по моей помятой с дороги блузке, по юбке.

— Завтра, после завтрака, Асият, моя сестра, привезёт тебе одежду. Ту, что носят здесь. Эту выбросишь.

В его тоне нет презрения. Есть констатация. Факт. Ты сменишь ареал обитания — сменишь кожу.

— Зачем? Почему я просто не могу положить её в шкаф? — срывается с моих губ, голос дрожит, выдавая волнение.

Он чуть склоняет голову, будто рассматривая интересное, но неопасное насекомое.

— Можешь положить её в шкаф, но тогда Асият выбросит её сама. И тебе будет неудобно. Выбирай.

Он подходит ещё ближе. Я чувствую запах: дым, холодный воздух, мускус. Чувствую исходящее от него тепло. Он поднимает руку. Я замираю, ожидая, что он снова коснётся меня, как тогда, на лётном поле.

Но он лишь проводит кончиками пальцев по складке моего пиджака, лежащего на спинке кресла.

— Ты устала. Отдыхай. Церемония будет через неделю, торопиться не будем.

— Как через неделю? Мне сказали, что это пройдёт быстро, и я сразу вернусь в Москву... — в моём вскрике столько непонимания, что он звучит как меч, разрубающий пространство.

— У тебя неверная информация. Отдыхай.

Он разворачивается и уходит. Дверь снова закрывается, и я слышу шаги, затихающие в коридоре.

Стою посреди этой роскошной, чужой комнаты и понимаю, что первая битва проиграна. Даже не начавшись. Он не ударил, не оскорбил. Он просто... установил правила. Стены моей клетки.

Смотрю в тёмное стекло окна, где должно быть моё отражение, но вижу только тьму.

Он так уверенно заявил, что моя информация неверная, что я даже опешила, не в состоянии ответить. А что тогда верное?

Нет! Не хочу об этом даже думать. Этого точно не может быть. Не мог же Боря меня так подставить.

Решительно иду к двери. Я сейчас догоню этого Мурзаева и не отпущу, пока он не ответит мне на все вопросы!

глава 3

Мысль ударить по горячему, пока ярость не остыла, возникает яркой и ясной вспышкой. Не могу ждать! Не могу сидеть в этой комнате, как послушная овечка.

Я выбегаю в коридор. Длинный, слабо освещённый, он расходится в обе стороны, теряясь в полумраке. Я замираю. Куда? В какую сторону он пошёл? Где в этом каменном лабиринте его логово?

Сердце колотится где-то в горле. Я выбираю наугад — направо. Бегу по холодному каменному полу, босиком. Проношусь мимо закрытых одинаковых дверей. В конце коридора — тупик и окно. Чёртов лабиринт! Разворачиваюсь, несусь обратно, на развилку выбираю левую ветку. Здесь в конце — широкая лестница, уходящая вниз, в освещённое пространство холла.

Да! Лечу по ступеням, не чуя под ногами холода мрамора.

И на последней ступеньке сталкиваюсь с ней. Та самая женщина в тёмном платье, что провожала меня в мою гостевую спальню. Она стоит, сложив руки на животе, будто ждала. Её лицо — маска невозмутимого спокойствия.

— Вам следует вернуться в свою комнату, — говорит она ровным, не допускающим возражений тоном.

— Отведите меня к Мурзаеву. Сейчас же! — мой голос звучит хрипло, срываясь на крик, всё внутри дрожит от адреналина и гнева.

— Господин занят. Беспокоить его нельзя. Арина, вернитесь обратно, скоро вам принесут ужин, вы поедите и ляжете спать. Встреча с господином будет утром, как я вам и говорила ранее.

— Вы не понимаете, я вас не прошу, я требую отвести меня к Аслану! Вы слышали, что он мне сказал? Вы знаете, что вообще здесь происходит? Я должна получить ответы сейчас же! Я не могу ждать до утра!

— Арина, вы гость в доме моего хозяина. А гость должен вести себя с уважением, — её голос становится чуть жёстче, в глазах вспыхивает холодный огонёк. — Вам, как девушке, не подобает так метаться и кричать. Приличная девушка ждёт, когда её позовут. Сама к мужчине не бежит. Это неприлично.

Её слова — как ушат ледяной воды. Она не говорит про запрет. Она вменяет мне стыд. То, что моё поведение дикое, недостойное, жалкое. От этой праведной, архаичной логики у меня на миг перехватывает дыхание.

— Какая разница, что подобает?! — выкрикиваю я, уже почти не владея собой. — Мне нужно с ним говорить! Вы понимаете?! Он не может просто поставить меня перед фактом! Мне нужны объяснения. Я не согласна... Я хочу обозначить свои права...

Мой крик, видимо, разносится по дому. Из тени у одной из арок выходит мужчина. Тот самый, широкоплечий, что встречал меня на аэродроме. Его лицо непроницаемо. Он подходит, встаёт рядом с женщиной, которая, видимо, является здесь прислугой, и создаёт непреодолимую стену.

— Лейла, всё в порядке? — его голос низкий, спокойный, но в нём слышится сталь.

— Всё в порядке, Руслан. Девушка немного взволнована. Ей нужно отдохнуть. Помогите мне проводить её в спальню, Аслан не любит, когда в доме шумят не по делу.

— Не трогайте меня! — я отшатываюсь, когда Руслан делает ко мне шаг. Они двигаются синхронно, в голове чёткое осознание, что сейчас я снова проигрываю, мне ничего не добиться, нужно отступать. — Я сама! Я... я вернусь. Не прикасайтесь ко мне.

Но они уже движутся ко мне, не агрессивно, но с абсолютной, неоспоримой решимостью. Руслан мягко, но неотвратимо берёт меня под локоть. Его хватка твёрдая, как тиски. Я пытаюсь вырваться — бесполезно.

— Так будет лучше для вас самих, — тихо говорит Лейла, идя рядом.

Меня провожают наверх. Каждый шаг — унижение. Мой бунт, моя ярость разбивается не о гнев, а о ледяную, сыгранную, как по нотам систему. Они не злятся. Они поправляют.

Дверь в мою спальню открывается. Руслан отпускает меня. Я отскакиваю вглубь комнаты, как ошпаренная.

— Вы не имеете права запира́ть меня! — кричу я, слыша звяканье ключей на связке в кармане Лейлы.

— Это для вашей же безопасности и спокойствия, — отвечает она. — Отдохните. Когда надо будет, вас позовут.

Дверь закрывается. Раздаётся тихий, но чёткий щелчок замка.

Нет. Нет-нет-нет!

Я бросаюсь к двери, бью по тяжёлой древесине ладонями.

— Откройте! Откройте немедленно! Вы не можете так со мной! Я гостя Аслана Мурзаева! Я свободная женщина... Отоприте дверь немедленно!

Я кричу, стучу, пока руки не начинают гореть от боли, а голос не садится до хрипа. В ответ — гробовая тишина. Та самая, давящая тишина гор, которая теперь заперта вместе со мной.

Бессилие накатывает такой тяжёлой, чёрной волной, что подкашиваются ноги. Я сползаю по двери на пол, прижимаю лоб к холодному дереву. Слезы, которых не было от злости, теперь текут сами: горячие, горькие, отчаянные. Всё, абсолютно всё, вышло из-под контроля. Я даже не могу выйти из комнаты. Я узник.

Через некоторое время я поднимаюсь, с размаху швыряю в камин декоративную подушку с дивана. Потом ещё одну. Мягкие, набитые шерстью подушки отскакивают от защитной решётки. Обидно. Подхожу к кровати, буквально падаю на неё и начинаю бить кулаками по этой роскошной, цветной, чужой ткани покрывала. Я бью изо всех сил, пока в плечах не начинается болеть. Покрывало мягкое, оно беззвучно поглощает удары. Как и этот дом поглотил мой крик.

Силы окончательно покидают меня. Я прижимаюсь щекой к гладкому шёлку в орнаменте, всхлипываю в подушку, которая пахнет абсолютно чужим. Тело ноет, голова тяжёлая, пустая. Мысли путаются, превращаясь в бессмысленный шум.

И в этом шуме, в этом полном истощении, незаметно для самой себя, я проваливаюсь в чёрную, бездонную яму сна.

глава 4

Щелчок замка в двери раздаётся громче всякого будильника. Я вздрагиваю, открываю глаза и первые секунды не понимаю, где я, пока память не восстанавливает вчерашний день во всех его мелочах. Сердце тут же начинает колотиться где-то в висках. Свет из окна режет глаза — уже утро.

В дверях стоит женщина. Не Лейла. Другая. Лет сорока, с лицом, словно высеченным из камня. Резкие, красивые, но совершенно лишённые мягкости черты. Волосы убраны под чёрный платок, на ней длинное свободное платье в пол тёмно-коричневого цвета, без украшений и без какого-либо орнамента. Она смотрит на меня тем же оценивающим взглядом, что и Аслан вчера в переговорной. Только в её взгляде нет расчёта. Там — пренебрежение. Чистое и незамутнённое.

Она проходит в комнату к шкафу и что-то говорит. Слова звучат гортанно, резко, непонятно. Ясно одно: сказано это в мой адрес и ничего хорошего не означает. Она специально говорит на своём, чтобы я поняла только одно — я здесь чужая.

— Я сестра Аслана. Асият, — объявляет она по-русски, но с сильным акцентом, её голос низкий, ровный, совершенно без тепла.

Асият ставит на пол большую кожаную сумку и начинает доставать оттуда одежду. Не складывая на полки, а сразу вешая на плечики: длинные платья тёмных тонов, широкие шаровары, тонкие шёлковые платки. Всё дорогое, качественное и абсолютно чужое. Она выбирает одно — платье цвета тёмной сливы, простого кроя, с длинными рукавами — и бросает его на покрывало рядом со мной.

— Сейчас надевай это. Завтракать пойдём.

Я отодвигаюсь от платья, будто оно может укусить. Сон как рукой сняло, на смену приходит знакомая, едкая смесь страха и злости.

— Мне нужно поговорить с Асланом. Сейчас же, — говорю я, стараясь вложить в голос всю твёрдость, на какую способна после вчерашнего провала.

Асият даже не смотрит на меня. Она продолжает развешивать одежду в пустом шкафу.

— Его нет. Будет не скоро. Говорить с ним будешь после обряда. Сейчас — завтрак. Потом со мной пойдёшь.

«После обряда». Эти слова звучат как приговор. Значит, неделя — не пустая угроза. Значит, эту неделю меня будут готовить, как скот на убой.

— Куда пойду? — вырывается у меня, голос срывается, выдавая растерянность и испуг.

— Молиться. В церковь, — она отвечает сухо, односложно, так, что совершенно не хочется задавать какие-либо ещё вопросы.

В голове сразу же проносится мысль: может, там, среди людей, будет шанс сбежать? Хоть какой-то? Но с другой стороны, куда я сбегу из чужих земель без денег и документов?

— Я не молюсь. Я атеистка, — говорю я быстро, почти выпаливая, это не вызов, это попытка отмежеваться, показать, что я не вписываюсь в их правила, что меня лучше отпустить.

И тут происходит странное. Лицо Асият меняется. Не смягчается. Но напряжённые уголки губ чуть разглаживаются, брови слегка приподнимаются, взгляд становится хитрее, и в тёмных, холодных глазах вспыхивает искорка облегчения. Или одобрения?

— Так даже лучше, — произносит она, и в её голосе впервые слышится что-то, кроме льда, что-то вроде деловой удовлетворённости. — Проблем меньше. Значит, сегодня со мной в аул поедешь. Знакомиться с будущими родственниками.

Знакомиться. С родственниками. Слова падают, как камни, в пустоту моего сознания. Это уже не подготовка к спектаклю. Это втягивание в самую гущу его жизни. В его клан.

— Я не хочу ни с кем знакомиться, — шепчу я, отступая к изголовью кровати, это детский протест, и я сама это понимаю. — Я не буду этого делать. Вы не понимаете, меня обманули, я не та, за кого вы меня принимаете...

Асият, наконец, оборачивается ко мне лицом. Её взгляд теперь полон того самого презрения, которое я угадала вначале. Но теперь в нём ещё и усталое раздражение.

— Не смей так говорить, — говорит она тихо, но так, что по коже бегут мурашки. — Будешь делать то, что я говорю. Иначе тебе Аслана не видать. Вообще.

В её тоне нет угрозы. Есть простая констатация ещё одного правила этого мира. Непослушание = исчезновение из поля зрения хозяина. А значит, исчезновение любого шанса что-либо изменить.

— Отпустите меня, — звучит моя мольба жалко и глухо. — Мне не нужен ваш брат. Я хочу домой. В Москву.

Асият смотрит на меня долго. Её взгляд скользит по моему лицу, по спутанным от сна волосам, по моей мятой блузке. И в её глазах нет ни капли сочувствия. Есть лишь глубокая, бездонная уверенность в том, что я говорю полную ерунду. Что моё «хочу» здесь ничего не стоит. Она вздыхает, как взрослый, уставший от капризов ребёнка.

— Иди. Умойся и переоденься. У тебя пятнадцать минут.

Она указывает подбородком в сторону ванной, примыкающей к спальне, и возвращается к разбору сумки, демонстративно выключая меня из своего внимания. Разговор окончен. Мой бунт, мои мольбы — всего лишь шум, который мешает ей выполнять поручение брата.

Я сижу на кровати, сжимая в кулаках шёлк покрывала. Асият не злая. Она просто выполняет свою роль. Ту, что ей поручили. Проводник законов этого места. И её реакция показала мне главное: мои московские понятия о личности, свободе, выборе здесь — пустой звук. Здесь ценятся другие вещи. И моё «атеистка» оказалось для неё более значимой информацией, чем все мои крики о помощи.

Я поднимаюсь с кровати, беру чужое платье и иду в ванную, чувствуя на спине её тяжёлый, оценивающий взгляд.

глава 5

Дверь в ванную запирается с тихим шелчком. Я прислоняюсь спиной к холодному дереву и закрываю глаза. Тишина. Наконец-то тишина, не давящая, а укрывающая. Здесь только я и моё прерывистое дыхание.

Подхожу к раковине, поворачиваю кран. Вода шумно бьёт по фарфору. Я смотрю в зеркало. На меня смотрит не моё отражение, это какая-то незнакомка: бледная, с тёмными кругами под глазами, с макияжем, размазанным вчерашними слезами и сном. Волосы растрёпанные, как птичье гнездо. В глазах животный, немой страх.

Смотрю. Минуту. Ещё... И я позволяю себе. Позволяю этой незнакомке в зеркале сломаться.

Глубокий вдох. Протяжный выдох. И глухой, сдавленный звук вырывается из горла, слёзы текут ручьём. Не тихие, а громкие, удушающие, с хлюпающим носом и судорожными вздохами. Я плачу навзрыд, как в детстве, уткнувшись лицом в сложенные на краю раковины ладони. Плачу от ужаса, от унижения, от полного, абсолютного бессилия. Тело трясёт. Сердце бьётся в горле, отдавая прострелами в рёбра. Я выплакиваю всё, что накопилось во мне за эти почти сутки. Даю боли выйти — это непросто, горько, мерзко, но я иду до конца. До того момента, когда в глазах больше не остаётся слёз, а голос сипнет, не в силах произнести ни звука.

Сколько длится моя истерика, я не знаю. Минуты? Полчаса? Никто не стучит в дверь. Никто не зовёт. В этом доме даже на истерику есть своё расписание, и моё время, видимо, ещё не вышло.

Слёзы постепенно иссякают, оставляя после себя пустоту и жгучую боль в опухших веках. Я поднимаю голову, гляжу на своё заплаканное, красное, жалкое отражение.

Дура. Мысль проносится ясная и чёткая, как удар ножом. Полная, бестолковая дура. Сидела бы в своей Москве, планировала бы отель где-нибудь в Подмосковье, у тихой речки. Нет же, романтика, «Эльбрус.Нить», величие, горы. Влезла в чужие дебри с распахнутыми глазами и пустой головой. Доверилась Борису, этому продажному ублюдку, который даже глазом не моргнул. Согласилась на «спектакль», не вникнув в правила. Сама, своими руками, заперла себя в этой каменной коробке. Из-за чего? Из-за картинки в компьютере. Из-за воздушного замка.

Я резко открываю кран с холодной водой, набираю полные ладони и с силой шлёпаю себе в лицо. Лёд! Больно! Ещё! Я умываюсь, смывая липкие следы слёз, размазанную тушь и помаду. Вода стекает чёрными, грязными потоками. Я тру кожу, пока щёки не начинают гореть.

В зеркале теперь другое лицо. Чистое, незащищённое, но уже не плачущее. Красные глаза смотрят на меня с немым вопросом: «И что теперь?»

Я медленно расплетаю пальцами колтуны в волосах, беру расчёску с полки — новую, чужую — и начинаю приглаживать непослушные пряди. Движения механические. Раз, два, три. Плету тугую косу, как делала когда-то в школе на физкультуре. Волосы послушно ложатся, перехватываю их резинкой, которая всегда лежит в кармане юбки. Это хоть какое-то подобие контроля.

Потом я снимаю свою несвежую одежду. Помятую, пропахшую страхом блузку. Юбку, в которой делала презентацию. Они лежат на полу комом, похожие на сброшенную старую кожу. Я поднимаю платье, которое бросила Асият. Ткань тяжёлая, мягкая, тёмно-фиолетовая, почти чёрная. Оно простое. Никаких вырезов, никаких украшений. Платье-футляр. Платье-тюрьма.

Я надеваю его. Ткань холодно скользит по коже, утяжеляя плечи. Оно сидит безупречно, как будто сшито по мерке. Его мерке. Я не смотрю в зеркало. Не хочу видеть, как я в этом выгляжу.

Я делаю глубокий вдох. Выдох. Внутри нет жалости к себе. Есть только тяжёлый, раскалённый шар злости. На Борю. На Аслана. На эту холодную крепость. На себя, такую доверчивую и глупую. Эта злость — лучше, чем слёзы. Она хоть как-то греет.

Открываю дверь.

Асият сидит в кресле напротив — видимо, она никуда не уходила и всё прекрасно слышала. Она смотрит на меня тем же невозмутимым взглядом, скользит глазами от моей заплетённой косы к платью, к моим босым ногам. Её взгляд задерживается на моём лице — чистом, без макияжа, с ещё заметной краснотой у глаз.

— Московская неженка, — произносит она беззлобно, как констатируя погоду. — Ничего. Здесь вы другими становитесь. Не первая уже.

Эти слова падают в тишину комнаты с леденящей душу простотой. «Не первая». Значит, был у неё опыт? Кого она ещё так «передельвала» под правила своего брата? Мысль отвратительна и пугает ещё больше, чем прямая угроза. Это система. Конвейер.

Но внутри меня злость вздымается, перехлёстывая через край страха. Я поднимаю подбородок, встречаю её взгляд.

— Да, я из Москвы. Но не думайте, что вам так просто получится сломать меня под свои правила.

Асият хмыкает. Коротко, почти неслышно. В этом звуке — не насмешка, а что-то вроде профессионального интереса. Как будто я сказала что-то очевидное и наивное, что только подтверждает её правоту.

— Правила тут не мои. Они как горы. Не обойдёшь. Пошли завтракать. Времени потеряли предостаточно.

Она встаёт, движением руки указывает на стоящие возле кровати туфли без каблука и выходит в коридор, не оглядываясь. Я стою на пороге, ощущая тяжесть чужой ткани на плечах и тяжесть её слов в голове.

«Как горы. Не обойдёшь».

Я вставляю ступни в мягкие лодочки из бархатистой чёрной кожи, делаю шаг вперёд. Навстречу завтраку. Навстречу аулу. Навстречу новому дню в своей новой, купленной жизни, сжимая внутри тот самый шар злости. Пока он есть — я ещё не сломлена.

глава 6

Столовая огромная. Длинный стол из тёмного дерева, накрытый белой скатертью, ломится от еды. Запахи острые, пряные, чужие. Сыр, зелень, лепёшки, мясо в какой-то густой подливке, мёд, орехи. Богато. Щедро. Как на пиру.

Лейла двигается бесшумно, подкладывая в тарелки, доливая чай. Асият сидит во главе, как полноправная хозяйка. Она отдаёт тихие приказы, не глядя на Лейлу: «Поддай тот сыр, что из аула. Нет, не этот. Кофе сделай крепче». Требовательно, уверенно. Это её территория. Я гость. Незванный.

Я сижу напротив, отодвинув от себя тарелку. Еда вызывает лёгкую тошноту. Я беру чашку с горьким, чёрным кофе — единственное, что кажется знакомым — и медленно пью, осматривая комнату. Грубая каменная кладка, дорогие ковры на стенах, оружие в инкрустированных ножнах. Всё дышит мужской, тяжёлой силой и древними традициями. Здесь каждая вещь — символ. И я — самый новый и непонятный символ в этой коллекции.

Водитель, Руслан, появляется в дверях беззвучно.

— Машина готова.

Асият кивает, отпивает последний глоток и встаёт, не обращая внимания, доела я или нет. Я следую за ней. Мы выходим не к чёрному «Бентли», а к высокому, грязному внедорожнику. На его боках присохшая, серая от пыли грязь. Это машина не для парадных выездов. Это машина для здешних дорог.

Дорога петляет вверх, серой лентой впиваясь в склон. Справа — каменная стена, слева — обрыв, в котором клубятся облака. Асият молча уткнулась в телефон, о чём-то говорит низким, быстрым голосом. Не по-русски. Мне не нужно понимать слова. По тону ясно: доклад. Отчёт о грузе.

Я смотрю в окно. Сжатая пружина внутри меня закручена до предела. Каждый виток — это унижение, страх, бессильная ярость. Они везут меня куда-то, чтобы что-то со мной сделать. Решить что-то за меня. Мне хочется крикнуть, вырвать руль, заставить остановиться. Но я сжимаю зубы так, что челюсти сводит. Если я взорвусь сейчас — проиграю. Они просто свяжут меня и довезут до места. Если сбегу — сдохну в этих горах. Замёрзну, сорвусь в пропасть, или меня найдут собаки. Нет. Нужно терпеть. Дождаться Москвы. Там — аэропорты, полиция, свои улицы. Там можно исчезнуть. Здесь — нет.

Час тряски по ухабам. И наконец, аул.

Он врос в склон, как грибы после дождя. Низкие, приземистые домики с плоскими крышами, стены белёные, но потрескавшиеся, ввевшаяся в них пыль веков. Всё выглядит древним и незбылемым. Машина останавливается на крошечной площадке. Нас уже ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.